

Трансформация религиозной политики шведского короля Густава II Адольфа в имперских землях во время Тридцатилетней войны

Ходин Алексей Анатольевич

аспирант

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: alex.hodin@mail.ru

Проблема религиозной политики шведского королевства начального периода Тридцатилетней войны практически не имела адекватного представления в исторической науке как советского, так и постсоветского периода, за исключением лишь отдельного упоминания в общих работах по международным отношениям. Большей частью в 60-х годах XX-го столетия в Швеции данной теме уделялось определённое внимание. В данном исследовании планируется проследить процесс трансформации религиозной политики шведского короля Густава II Адольфа с опорой на ряд шведских и немецких источников личного характера. Вместе с тем, учитывая новейшие достижения в области оценочных концепций зарубежных исследователей, проанализировать степень зависимости шведской дипломатии периода 1630-1632 гг. от религиозного фактора.

Вступив в Тридцатилетнюю войну, в 1630 году Шведское королевство оказалось непосредственной участницей крупномасштабной политической игры, определявшей принципы системы международных отношений на долгие десятилетия вперед. Для реализации своих планов, Густав Адольф проводил достаточно активную религиозную политику, являющуюся кроме прочего, своеобразным катализатором, как в военных, так и дипломатических вопросах. После высадки в землях священной Римской империи шведам предстояло заручиться поддержкой, как местного населения, так и имперских протестантских князей. Густав II Адольф незамедлительно воспользовался сложившейся ситуацией и уже на борту своего корабля составил манифест, где четко разъяснялись намерения вести освободительную борьбу против императора. Объясняя причины своего вмешательства в дела Империи, шведский король выдвигал на первый план защиту протестантизма, свобод князей и городов, ставших, согласно манифесту, на пути у австрийского дома Габсбургов.

Проанализировав ряд писем шведского короля, адресованных представителям Саксонии, Бранденбурга, Померании и др., можно констатировать, что практически никто из них не желал прямолинейно вступить под защиту Стокгольма. По данным корреспонденции, первоначально дипломатия Швеции базировалась на отстаивании союзнических отношений с представителями Империи преимущественно с религиозной окраской. Князей же, в первую очередь интересовали местные территориальные свободы, сохранение и, по возможности, расширение их территории.

Сожжение Магдебурга армией императора в 1631 году явилось своеобразным ускорителем для формирования протестантских союзников вокруг шведского монарха. Согласно наиболее распространенному мнению, именно страх перед разрушениями имперцев заставлял князей-протестантов безоговорочно переходить на сторону Швеции. Вместе с тем, фактическое принуждение к союзнической политике померанского герцога, несанкционированное продвижение Густава II Адольфа в область дружественного Швеции Бранденбурга, а также разграбление шведами протестантского Франкфурта на Одере - стали типичными примерами начала «отхода» Густава II Адольфа от формально провозглашенных в дипломатической переписке лозунгов протестантской солидарности. Именно в этот период шведская армия, беспрестанно пополнявшаяся отрядами наёмников различного вероисповедания, постепенно начала утрачивать образ сугубо «протестантского воинства». Дипломатия Швеции стала приобретать более прагматичное направление, переходя уже от принципов защиты протестантизма к чисто завоевательным планам.

Продвигаясь в глубь имперских земель, почти повсеместно шведский король встречал ликующие восторженные приветствия протестантского населения, в то время как значительные массы католиков стремились во что бы то ни стало покинуть свои владения. Сам факт присутствия Густава Адольфа давал психологический настрой местным протестантским представителям приобретать более негативный настрой к прокатолической части своих соотечественников, что выливалось в вооруженные столкновения. Однако это носило в основном локальный характер. Подобные ситуации были зафиксированы в основном в Мильтенберге, Ашаффенбурге, Штайнхайме, а также Кирхайне.

Основной целью было теперь создание протестантского союза государств и территориальных объединений («*Conrus evangelicorum*»). Швеция планировала, прежде всего, сохранить Померанию и Мекленбург и поэтому, по мнению короля, необходимо было заручиться поддержкой подобного объединения. Он также осознавал, что удерживать покорившиеся ему территории, опираясь только на силу оружия, вряд ли представляется возможным в долгосрочной перспективе. Поэтому вначале необходимо было укрепиться в сфере идеологии и дипломатии. Заметим, что для понимания особенностей тогдашней политической ситуации Империи уместно было бы обратить внимание на тонкий политический ход Густава II Адольфа, касательно поддержки протестантских представителей. В отношениях с протестантскими князьями Густав Адольф сумел весьма в выгодном для себя свете совместить религию и дипломатию, что в последствии позволяло достигать реальные политические цели. Для шведской союзнической политики требовалось, прежде всего, партнеры, способные внести реальный вклад в помощь королю, что, по сути, означало возможность выгодным для себя образом повлиять на смещение на равновесия сил в Империи. Кроме того, важное внимание политике Густава Адольфа было направлено на «задабривание» протестантских потенциальных союзников посредством передачи тех или иных земельных владений. Таким образом, например, Гессен-Кассель сумел укрепить свое влияние в Паденборне, Корвейне и в других землях. Данные процессы в некоторой степени, так или иначе, усугубляли и без того обостренное положение католических чинов, а также способствовали усилению колеблющихся позиций некоторых католических князей, относительно возможного компромисса со шведской стороной. Наконец, в Аугсбурге шведами были впервые предприняты усиленные действия по навязыванию протестантской веры. Стоит заметить, что, произнося свою речь, королевский проповедник Фабрициус говорил скорее не о запрете католицизма, а о религиозной свободе, что не позволялось даже в пределах самой Швеции. Тем самым, становится очевидным, что прагматичность шведской дипломатии в Империи постепенно подчинила себе религиозные аспекты.

В целом исследование показало, что именно шведский период войны с участием Густава II Адольфа 1630-1632 гг. нашел наиболее яркое отражение на фоне конфессиональной политики в общеевропейском масштабе. Пройдя длительное расстояние от Пеенемюнде до Лютцена, Густав II Адольф смог не только реализовать задачу защиты протестантизма, но и сумел подорвать влияние некогда могущественного Габсбургского дома.

Однако справедливым будет обратить внимание на то, что протестантизм не был «защищен» в абсолютном понимании этого процесса. Дело протестантизма и скрытые за религией прагматические мотивы получили скорее дополнительную возможность к развитию и укреплению.

Шведские протестантские союзники, в лице основных протестантских княжеств, стремились в большей степени использовать шведское влияние для достижения своих интересов, нежели к сотрудничеству со Стокгольмом в плане религиозного единства. Саксония и Бранденбург не ставили основной задачей укрепление шведского монарха в качестве единого главы протестантизма, опасаясь, по всей видимости, проявления со

стороны Густава II Адольфа стремлений, способных проявить возможные альтернативные черты габсбургскому универсализму.

В ходе подготовке и проведения боевых действий в землях Священной Римской империи Густаву II Адольфу неизбежно приходилось регулировать соотношение не только военного, но и дипломатического аспекта. Важным элементом такого регулирования стала религия, за которой, помимо идеологической, стояли также скрытые за ней причины социально-политического характера. Лозунги же протестантской солидарности, которые первоначально пропагандировались шведским королём в дипломатии, и, которые были типичны для эпох конфессионализации, стали постепенно утрачивать своё значение.

Источники и литература

1. Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser von 1631 bis 1634. Von Georg Irmel. I Teil. Verlag von G. Hirzel. Leipzig. (1888).

2. Documenta Bohemica Bellum Tricennale illustrantia Tomus V. Der schwedische Krieg und Wallensteins Ende. Quellen zur Geschichte der Kriegereignisse der Jahre 1630-1635. Praha. (1977).

3. Schriftstücke von Gustaf Adolf zumeist an evangelische Fürsten Deutschlands. Stockholm. (1877).

4. Svenska Riksrådets protokoll med understöd af statsmedel i tryck utgifvet av kongl. riksarkivet genom N.A. Kullberg. Tredje serien. B. II. 1630-1632. Handlingar rörande Sveriges historia. P.A. Norstedt & söner. Stockholm. (1880).

5. Lindberg, Erik. (2006) Konstitutioner frihandel och tillväxt i tidigmoderna nordeuropeiskt stadsstater. En komparativ institutionel analys av Hamburg och Lübeck. // Historisk tidskrift. Utgiven av Svenska Historiska föreningen. 3. Stockholm.

6. Olesen, E. Jens. (2003) Dänemark, Norwegen und Island. // Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500 bis 1660. Herausgegeben von Matthias Asche und Anton Schindling. Aschendorf Verlag. Münster.

7. Schilling, Heinz. (2005) Das schwedische Kriegsmanifest vom Juli 1630 und die Frage nach dem Charakter des Dreissigjährigen Krieges. // Europa und die Europäer. Quellen und Essays zur modernen europäischen Geschichte. Festschrift für Hartmut Kaelble zum 65. Geburtstag. München.

8. Tornbjörn, Eng. (2001) Det svenska väldet. Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Utgivna av Historiska institutionen vid Uppsala Universitetet genom Torkel Jansson och Jan Lindegren. Stockholm.